

МИХАИЛ ПЕЛЕХАТЫЙ
ПАВЕЛ АГЛАШЕВИЧ

НЕВИДИМАЯ УГРОЗА

Как распознать опасного человека
до того, как станет поздно

Прикладное руководство по профайлингу угроз

Михаил Пелехатый

Невидимая угроза

<https://litres.ru/73778296>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый из нас хотя бы раз чувствовал: «С этим человеком что-то не так». Но мы отмахивались от интуиции — и потом жалели об этом.

Большинство трагедий — от стрельбы в школах до бытовых убийств — можно было предотвратить. Сигналы были. Их просто никто не распознал.

Эта книга — практическое руководство по профайлингу угроз. Вы узнаете, как работает модель Big Five, метод JACA и система Гэвина де Беккера. Разберёте реальные кейсы — от Керчи до Колумбайна. Научитесь видеть предвестники насилия в пяти контекстах высокого риска: развод, увольнение, болезнь, унижение, потеря статуса.

Не ждите, пока угроза станет видимой. Научитесь распознавать опасность до того, как станет поздно.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. КОГДА ИНТУИЦИЯ КРИЧИТ	6
Почему мы игнорируем сигналы?	9
Процесс, а не событие	10
ЧАСТЬ I. ЧТО ТАКОЕ ПРОФАЙЛИНГ	12
Глава 1. История профайлинга: от Джека Потрошителя до наших дней	12
Томас Бонд и первый профиль серийного убийцы (1888)	13
Джеймс Брюссель и «Безумный бомбист» (1956)	15
Рождение профайлинга в ФБР: Дуглас, Ресслер, Хейзелвуд	16
Параллельная история: профайлинг в СССР	17
Александр Бухановский и «психиатрическое профилирование»	17
КГБ и оценка личности: закрытые методики	18
Профайлинг в современной России: от силовых структур к бизнесу	19
«Эффект Лайтмана»: вдохновение от сериала «Обмани меня»	20
Текущее состояние и вызовы	29

Глава 2. Направления современного профайлинга	31
Криминальный профайлинг: взгляд в прошлое	31
Авиационный профайлинг и антитеррор	32
Бизнес-профайлинг и HR	32
Профайлинг в образовании	33
Персональная безопасность: профайлинг для каждого	33
Психотипология в профайлинге: от теории к практике	34
Методика «7 радикалов» Виктора Пономаренко	34
Перекося в оценку по внешности: физиогномика и её ловушки	36
Базовые эмоции Пола Экмана: универсальный язык лица	37
Международные и российские стандарты профайлинга	39
Проблема отсутствия глобальных стандартов	42
Глава 3. Профайлинг угроз: особое направление	44
Философия превентивности: от реакции к предотвращению	50
Превентивный профайлинг в действии:	51

реальные кейсы	
Отличие от диагностики личности	54
Концепция «Охотники и Воющие»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Пелехатый

Невидимая угроза

ВВЕДЕНИЕ. КОГДА ИНТУИЦИЯ КРИЧИТ

Елена встретила Андрея на выставке современного искусства в Москве. Он был обаятелен, остроумен и невероятно внимателен. Казалось, он понимает ее с полуслова. «Это судьба», – подумала она. Андрей появился в ее жизни именно тогда, когда она чувствовала себя одинокой после тяжелого развода. Он окружил ее заботой, дарил цветы без повода и всегда знал, что сказать, чтобы поднять ей настроение.

На первом этапе отношений, который специалисты по поведенческому анализу называют «бомбардировкой любовью» (love bombing), жертва всегда чувствует себя избранной. Это не случайность, а стратегия. Хищник создает идеальный образ, зеркально отражая потребности своей цели. Если вы ищете защиты – он станет защитником. Если ищете понимания – он станет лучшим слушателем.

Тревожные звоночки начались незаметно. Сначала это были невинные вопросы: «Почему ты так долго не отвечала на сообщение?», «Кто этот коллега, который поставил те-

бе лайк?». Андрей объяснял это своей сильной любовью и страхом потерять ее. Елене это даже льстило, ведь ревность в нашей культуре часто ошибочно принимают за признак страсти. Затем он настоял, чтобы она удалила из друзей бывших одноклассников. «Зачем нам прошлое? У нас есть только мы», – говорил он с улыбкой. Потом он «случайно» оказывался у ее офиса в конце рабочего дня, чтобы встретиться. Раз, другой, третий. Елена начала чувствовать странное давление, будто стены вокруг нее сжимаются.

Это классический этап изоляции. Хищнику необходимо отрезать жертву от «системы поддержки» – друзей, семьи, коллег, которые могли бы заметить ненормальность происходящего и вмешаться.

Когда она впервые попыталась поговорить о личном пространстве, Андрей изменился. Обаяние исчезло, сменившись холодом, пронизывающим взглядом. Он обвинил ее в неблагодарности и эгоизме. Ссора закончилась бурным примирением, но осадок остался. Спустя полгода Елена поняла, что боится его. Боится его реакции на опоздание на пять минут, боится его внезапных вспышек гнева, которые сменялись периодами ледяного молчания. Она решила уйти. Это решение далось ей нелегко, но инстинкт самосохранения, наконец, взял верх над социальными установками «быть хорошей» и «сохранять отношения».

Реакция Андрея была пугающей. Он не кричал. Он просто сказал очень тихо: «Ты никуда не уйдешь. Ты принадле-

жишь мне». Эта фраза – маркер собственнического мышления, часто предшествующего насилию.

Следующие месяцы превратились в ад. Звонки с незнакомых номеров посреди ночи. Записки на лобовом стекле машины: «Я всё вижу». Подарки у двери квартиры – мертвые цветы, странные амулеты. Елена обратилась в полицию, но там лишь развели руками: «Девушка, ну он же вас не бил? Угроз прямых нет? Когда убьют, тогда и приходите». Эта страшная фраза, ставшая, к сожалению, классикой бюрократического равнодушия, заставила Елену понять: она одна.

История Елены закончилась относительно благополучно только благодаря тому, что у нее были друзья, работающие в сфере безопасности, которые помогли ей скрыться и изменить образ жизни. Но сколько таких историй заканчиваются трагедией? Сколько женщин, мужчин, детей становятся жертвами людей, чью опасность можно было распознать задолго до первого удара?

Почему мы игнорируем сигналы?

Вы, вероятно, взяли эту книгу в руки, потому что тоже чувствовали это. Тот самый холодок по спине, когда кто-то смотрит на вас слишком пристально. Необъяснимую тревогу при общении с новым сотрудником или соседом. Страх за своих детей, когда они уходят в школу. Или, возможно, вы, как и Елена, находитесь в ситуации, где интуиция кричит «БЕГИ», но логика и социальные нормы заставляют оставаться на месте и улыбаться.

Гэвин де Беккер, ведущий эксперт по безопасности в США, называет интуицию «даром страха». Это не мистическое предчувствие, а результат мгновенной обработки мозгом тысяч микросигналов: тона голоса, микровыражений лица, несоответствия слов и языка тела. Наш древний мозг считывает угрозу быстрее, чем неокортекс успевает ее рационализировать.

Проблема современного человека в том, что мы живем в мире, где насилие часто маскируется под любовь, заботу или профессионализм. Мы боимся показаться грубыми, параноиками или истериками. Нас учат быть вежливыми, но не учат быть безопасными. Мы игнорируем сигналы, которые посылает нам наш самый надежный защитник – наша интуиция.

Процесс, а не событие

Большинство людей думает, что насилие – это что-то, что случается внезапно, как гром среди ясного неба. «Он был таким тихим соседом, всегда здоровался», – говорят в новостях после очередной трагедии. Но правда в том, что насилие никогда не бывает спонтанным. Ему всегда предшествует процесс. Процесс, состоящий из мыслей, фантазий, планирования и подготовки. И этот процесс оставляет следы.

Даже в случаях так называемой «спонтанной» агрессии, вызванной ПТСР или расстройствами импульсивного контроля, о которых мы подробно поговорим в новых главах этой книги, существуют предвестники – триггеры, изменения в физиологии, специфические паттерны речи и поведения.

Эта книга – не сборник страшных историй, чтобы напугать вас перед сном. Это практическое руководство по выживанию в современном мире. Мы написали её для того, чтобы дать вам инструменты, которыми пользуются профессиональные профайлеры, сотрудники спецслужб и эксперты по безопасности.

Мы, Павел Аглашевич и Михаил Пелехатый, посвятили годы изучению человеческого поведения, психологии лжи и механизмов агрессии. Мы знаем, как мыслят хищники. Мы знаем, что они ищут в жертвах. И самое главное – мы знаем,

как их остановить.

В этой книге мы значительно расширили спектр рассматриваемых угроз. Мы поговорим не только о хладнокровных «охотниках», планирующих свои преступления, но и о людях, чья опасность кроется в их внутренней боли и хаосе: о тех, кто страдает от неконтролируемых вспышек гнева, посттравматического стресса и импульсивных расстройств. Понимание этой разницы критически важно для выбора правильной стратегии защиты.

Переверните страницу. Ваша безопасность начинается с знания.

ЧАСТЬ I. ЧТО ТАКОЕ ПРОФАЙЛИНГ

Глава 1. История профайлинга: от Джека Потрошителя до наших дней

Профайлинг не родился вчера. И уж точно не появился благодаря телесериалам, где гениальные следователи с одного взгляда на место преступления выдают полный психологический портрет маньяка, включая его любимое блюдо и марку автомобиля. Реальность, как всегда, куда интереснее, сложнее и прагматичнее, чем голливудская версия.

История профайлинга – это история попыток человечества ответить на фундаментальный вопрос: можно ли по следам, оставленным человеком (физическим и поведенческим), реконструировать его личность? Можно ли, глядя на то, что человек делает, понять, кто он такой и что он сделает дальше?

Томас Бонд и первый профиль серийного убийцы (1888)

Лондон, 1888 год. Грязные улицы района Уайтчепел окутаны осенним туманом и страхом. В этом мрачном лабиринте дешевых ночлежек, пабов и кварталов красных фонарей орудует тот, кого пресса окрестит «Джеком Потрошителем». Серия жестоких убийств проституток приводит в ужас викторианское общество.

Скотланд-Ярд в тупике. Полицейские методы того времени – опрос свидетелей и поиск прямых улик – малоэффективны против убийцы, который словно растворяется в тумане после каждого преступления. Детектив-инспектор Фредерик Абберлайн, ведущий расследование, принимает нестандартное решение: он обращается за помощью к доктору Томасу Бонду – судебному медицинскому эксперту.

И вот здесь происходит нечто революционное. Бонд делает то, что никто до него не делал системно: он анализирует не только сами преступления как изолированные акты насилия, но и пытается воссоздать психологическую мотивацию и характер убийцы через анализ ран на телах жертв. Бонд пи-

«Убийца не
знаний, не
впечатлени
на вид; ск
соседей; в

не просто описал убийцу, он дал прогноз его социального поведения: «тихий и безобидный на вид». Это шло вразрез с общественным мнением, ожидавшим увидеть монстра с безумными глазами. Бонд заложил первый камень в фундамент профайлинга: преступление отражает личность.

Джеймс Брюссель и «Безумный бомбист» (1956)

Перенесемся на семьдесят лет вперед. Нью-Йорк, 1956 год. Город в страхе. Уже более шестнадцати лет неизвестный террорист подкладывает самодельные бомбы в общественных местах – кинотеатрах, телефонных будках, библиотеках, вокзалах. За это время взорвалось более тридцати бомб.

В отчаянии полиция обращается к психиатру Джеймсу Брюсселю. Брюссель изучает фотографии с мест взрывов, читает письма бомбиста, вникает в детали самодельных устройств. И затем делает прогноз, который выглядит почти как магия.

Брюссель утверждает: бомбист – мужчина средних лет, славянского происхождения (вероятно, поляк), католик, живет с родственницей женского пола, но не женат. Он аккуратен, педантичен, носит классическую одежду. В конце своего отчета Брюссель добавляет деталь, ставшую легендарной: «Когда вы его поймаете, он будет одет в двубортный пиджак. И пиджак будет застегнут на все пуговицы».

Когда полиция арестовала Джорджа Метески, он соответствовал профилю почти во всем. И да, когда его попросили переодеться для поездки в участок, он вышел в двубортном пиджаке, застегнутом на все пуговицы. Это была не магия, а дедукция: педантичность бомб, аккуратность почерка и консервативный стиль писем указывали на обсессивно-компульсивную личность, стремящуюся к порядку во всем, включая одежду.

Рождение профайлинга в ФБР: Дуглас, Ресслер, Хейзелвуд

В 1970-х годах в ФБР произошел качественный скачок. Агенты Джон Дуглас и Роберт Ресслер начали систематически изучать психологию серийных убийц. Они делали то, что казалось безумием: ездили по тюрьмам и интервьюировали самых опасных преступников Америки – Эда Кемпера, Чарльза Мэнсона, Ричарда Speка.

Они искали ответы на вопросы:

- Что предшествовало преступлению?
- О чем они думали?
- Что чувствовали?
- Как выбирали жертву?

На основе этих данных была создана классификация «организованных» и «неорганизованных» преступников, которая легла в основу работы Отдела поведенческого анализа

(BAU). Их работа показала: поведение преступника на месте преступления – это проекция его поведения в обычной жизни.

Сегодня профайлинг шагнул далеко за пределы расследования серийных убийств. Он стал инструментом корпоративной безопасности, переговоров и оценки рисков в повседневной жизни. Но его суть осталась прежней: понимание человека через анализ его действий.

Параллельная история: профайлинг в СССР

Пока на Западе Дуглас и Ресслер разрабатывали систему поведенческого анализа для ФБР, в Советском Союзе шли свои, часто засекреченные исследования психологии человека. Советская школа психологии преступного поведения развивалась изолированно, но не менее интенсивно.

Александр Бухановский и «психиатрическое профилирование»

Одним из пионеров советского профайлинга был Александр Олимпиевич Бухановский – психиатр из Ростова-на-Дону. В 1984 году он составил психологический портрет серийного убийцы, орудовавшего на юге СССР. Убийца был известен как «Лесополоса» (позже – «Чикатило»).

Бухановский проанализировал характер ран, выбор жертв, места преступлений и составил профиль, который поразительно точно описывал Андрея Чикатило: мужчина средних лет, образованный, работающий с людьми, испытывающий сексуальную дисфункцию, садист с чертами некрофилии. Когда Чикатило был арестован в 1990 году, именно Бухановский провел с ним серию интервью, которые помогли следствию получить признание.

Бухановский работал в традициях советской психиатрии – глубинный клинический анализ, фокус на патологии личности. В отличие от американского подхода (основанного на статистике и типологии), советский профайлинг был более индивидуализированным и психоаналитическим.

КГБ и оценка личности: закрытые методики

В недрах советских спецслужб разрабатывались собственные методы оценки людей. КГБ активно использовал психологические тесты, полиграф (детектор лжи), анализ биографий для отбора кадров и выявления потенциальных агентов влияния.

Особое внимание уделялось:

– Анализу речи и письма: Лингвисты и психологи искали маркеры идеологической неблагонадежности, скрытых мотивов, психической нестабильности.

– Невербальному поведению: Офицеры проходили тренинги по чтению мимики, жестов, интонаций для выявления обмана и скрытых эмоций.

– Оперативной психологии: Изучались способы манипуляции, вербовки, создания агентурных сетей через понимание психотипов людей.

Многие из этих наработок остаются закрытыми до сих пор, но отголоски советской школы можно увидеть в современных российских методиках безопасности.

Профайлинг в современной России: от силовых структур к бизнесу

После распада СССР российский профайлинг прошел через период хаоса и переосмысления. С одной стороны, западные методики (ФБР, израильская школа) начали проникать в Россию. С другой – отечественные психологи стремились создать собственную систему, адаптированную к российским реалиям.

Институциональное развитие

– МВД и ФСБ: Силовые структуры активно развивают подразделения психологического анализа. Создаются центры оперативной психологии, проводятся тренинги по выявлению лжи, оценке угроз, профилированию террористов.

– Аэропорты и транспортная безопасность: В крупных

аэропортах (Шереметьево, Домодедово) внедряются системы поведенческого анализа пассажиров, обучение персонала распознаванию подозрительного поведения.

– Коммерческий сектор: С 2000-х годов профайлинг становится востребованным в банках (борьба с мошенничеством), HR (оценка кандидатов), корпоративной безопасности (выявление инсайдеров).

Особенности российской школы профайлинга

Российский профайлинг унаследовал черты советской психологической традиции и адаптировал западные методы.

Ключевые особенности:

1. Эклектичность методов

Российская школа сочетает западные типологии (МВТИ, Big Five), восточные учения (физиогномика, соционика), собственные разработки (7 радикалов Пономаренко) и элементы НЛП (нейролингвистического программирования). Это делает подход гибким, но иногда непоследовательным.

«Эффект Лайтмана»: вдохновение от сериала «Обмани меня»

В 2009–2011 годах выход американского сериала «Lie to Me»

(«Обмани меня») с Тимом Ротом в роли доктора Кэла Лайтмана произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Прототи-

пом главного героя стал реальный учёный – Пол Экман, разработавший систему кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System, FACS) и теорию микровыражений.

Сериал популяризировал идею, что по лицу можно читать эмоции и выявлять ложь. В России это вызвало бум интереса к профайлингу. Открылись десятки курсов «по системе Пола Экмана», обещающих научить «читать людей как открытую книгу». Однако многие из этих курсов упростили и исказили научные наработки Экмана, превратив их в псевдонаучный набор «трюков».

Реальный вклад Пола Экмана: Он доказал универсальность семи базовых эмоций и существование микровыражений (1/25–1/5 секунды). Но сам Экман предупреждал: микровыражения говорят о наличии эмоции, но не о причине и не являются «детектором лжи». Контекст обязателен.

Российский профайлинг воспринял идеи Экмана, но часто переоценивает возможности анализа лица в отрыве от других факторов. Это привело к перекоосу – некоторые специалисты стали называться «профайлерами», хотя их компетенция ограничена только анализом мимики без понимания контекста поведения.

2. Психотипы и архетипы: от Юнга до Пономаренко

Российская школа активно использует концепции психотипов (устойчивых паттернов личности) и архетипов (универсальных образов, заложенных в коллективном бессозна-

тельном по К. Г. Юнгу).

Популярные системы психотипирования в России:

– 7 радикалов Пономаренко: Истероидный, эпилептоидный, параноидальный, эмотивный, шизоидный, гипертимный, тревожный. Каждый имеет телесные, мимические и поведенческие маркеры.

– Соционика: 16 типов личности на основе типологии Юнга и теории информационного метаболизма (А. Аугустинавичюте). Популярна в HR и бизнесе, но имеет слабую научную базу.

– Архетипы Юнга: Герой, Мудрец, Бунтарь, Заботливый, Правитель и др. Используются в маркетинге, брендинге и анализе мотивации людей.

– MBTI (Myers-Briggs Type Indicator): 16 типов личности (INTJ, ESFP и т. д.). Широко применяется, хотя подвергается критике за низкую валидность.

Критика психотипирования:

– Стереотипизация: Риск навешивания ярлыков – «он параноид, значит опасен». Люди сложнее, чем один тип.

– Эффект Барнума: Описания типов часто настолько общие, что подходят большинству людей («вы чувствительны, но иногда можете быть жёсткими»).

– Статичность: Психотипы не учитывают, что личность динамична, меняется с опытом, контекстом.

Современная тенденция: уход от жёсткого типирования к анализу конкретного поведения в конкретной ситуации.

Профайлинг угрожает спрашивать не «Какой у него тип?», а «Что он делает прямо сейчас?».

3. Метапрограммы НЛП: фильтры восприятия

Из нейролингвистического программирования (НЛП) российский профайлинг заимствовал концепцию метапрограмм автоматических фильтров восприятия и обработки информации, которые влияют на поведение.

Примеры метапрограмм:

– «К—От»: Человек мотивирован достижением цели («к») или избеганием проблем («от»). Важно для переговоров и управления.

– «Процесс—Результат»: Фокус на процессе работы или на конечном результате. Влияет на стиль работы.

– «Внутренняя—Внешняя референция»: Принятие решений на основе собственных критериев (внутренняя) или мнения других (внешняя).

– «Глобальное—Детальное»: Мышление общими категориями или фокус на деталях.

Применение в профайлинге:

Метапрограммы помогают понять, как человек принимает решения, что его мотивирует, как он реагирует на стресс. Например, человек с метапрограммой «от» + «внешняя референция» более податлив к манипуляциям через страх и мнение авторитета.

Важное уточнение о метапрограммах:

Метапрограммы изначально разрабатывались для анали-

за коммуникации, мотивации и обучения – областей, где они показывают практическую пользу. Однако в профайлинге угрозы их применение ограничено: метапрограммы описывают как человек думает и общается, но не предсказывают напрямую опасен ли он. Поэтому современный российский профайлинг использует метапрограммы как дополнительный инструмент понимания мотивации и стиля поведения, но не как основу для оценки угроз. Акцент смещается на проверяемое поведение и конкретные действия.

4. Движение к научности: когнитивные искажения и критический анализ

В последние годы российский профайлинг всё больше стремится к научной строгости и критическому мышлению. Ключевые направления:

А) Осознание когнитивных искажений оценщика

Профайлеры учатся распознавать собственные ошибки восприятия и мышления. Основные когнитивные искажения:

– Эффект подтверждения (Confirmation Bias): Искать и интерпретировать информацию так, чтобы она подтверждала первоначальную гипотезу. Например, «Он показался мне подозрительным, значит, всё его поведение – доказательство вины».

– Эффект первого впечатления (Primacy Effect): Переоценка первой полученной информации. «Он улыбнулся при встрече значит, он хороший человек».

– Эффект ореола (Halo Effect): Если человек привлекателен, мы автоматически приписываем ему положительные качества.

Психопаты часто харизматичны и используют это.

– Стереотипизация: Оценка человека на основе групповых стереотипов (этнос, пол, возраст, внешность). «Он татуирован и в кожанке – значит, криминал».

– Якорение (Anchoring): Чрезмерная зависимость от первой цифры или факта. «Он сказал, что опоздал на 5 минут, значит, не мог совершить преступление» (хотя время могло быть другим).

– Эффект доступности (Availability Heuristic): Переоценка вероятности событий, которые легко вспомнить. «Недавно был теракт, значит, этот пассажир-мусульманин подозрителен» (расовый профайлинг).

Борьба с искажениями:

– Использование чек-листов и структурированных методов оценки (JACA, ПИНСы)

– Коллегиальный анализ (несколько профайлеров проверяют выводы друг друга)

– Обучение критическому мышлению и метакогнитивным навыкам

– Регулярная калибровка через тестирование и обратную связь

Б) Когнитивные искажения оцениваемого: почему люди выглядят подозрительно

Профайлеры учатся понимать, что нервность, избегание зрительного контакта, потливость не всегда означают ложь или вину. Причины могут быть иными:

- Базовая тревожность: Человек просто нервничает в аэропорту, на допросе, при общении с начальством.
- Культурные различия: В некоторых культурах прямой зрительный контакт считается грубостью.
- Социальная фобия: Человек избегает взгляда из-за застенчивости, а не из-за вины.
- ПТСР, аутизм, СДВГ: Атипичное поведение может быть следствием особенностей психики, а не обмана.

Современный профайлинг требует устанавливать базовую линию (baseline) поведения человека – как он ведёт себя в нормальном состоянии – и искать отклонения, а не сразу интерпретировать сигналы как подозрительные.

В) Акцент на поведении, а не на ярлыках

Главная тенденция: уход от ярлыков («он нарцисс», «она истероидка») к описанию конкретных действий («он регулярно нарушает границы», «она использует драму для манипуляции»).

Почему это важно:

- Ярлыки субъективны и стигматизируют
- Поведение – объективно и наблюдаемо
- Поведение можно изменить, ярлык – нет
- Профайлинг угрозы оценивает, что человек делает, а не кто он по диагнозу

Г) Особое внимание изучению лиц: от физиогномики к FACS

Российские профайлеры активно изучают анализ лица, но подходы эволюциониру-

Устаревший

Физиогномия
лица опреде

«Тяжёлая чел

бучение современных российских профайлеров включает сертификацию по FACS, изучение микровыражений, тренировку на видеозаписях реальных допросов, переговоров, эмоциональных ситуаций.

5. Практическая направленность при сохранении научной базы

Российский профайлинг стремится найти баланс: инструменты должны работать «здесь и сейчас» (практическая применимость), но при этом опираться на проверенные научные данные (нейробиология, психология, статистика).

Пример эволюции:

– Раньше: «Я вижу, что он лжёт, потому что почесал нос» (миф).

– Сейчас: «Я вижу микровыражение страха, несоответствующее его словам о спокойствии. Это один из возможных маркеров обмана, который требует дополнительной проверки в контексте базовой линии его поведения и других факторов».

Текущее состояние и вызовы

Сегодня российский профайлинг находится на этапе профессионализации. С одной стороны, растет спрос на квалифицированных специалистов в силовых структурах, аэропортах, банках, HR. С другой – рынок наводнен «экспресс-курсами» и псевдоэкспертами, обещающими научить

«читать людей за 3 дня».

Ключевая задача сегодня – создание профессиональных стандартов, сертификация специалистов, научная валидация методов. Только так профайлинг станет действительно эффективным инструментом безопасности, а не набором эффектных, но ненадежных трюков.

Глава 2. Направления современного профайлинга

Когда люди слышат слово «профайлинг», большинство сразу представляет охоту на маньяков. Однако правда в том, что криминальный профайлинг – это лишь верхушка айсберга. Сегодня методы поведенческого анализа применяются везде, где есть человеческий фактор и риски.

Криминальный профайлинг: взгляд в прошлое

Криминальный профайлинг – это ретроспективный анализ.

Преступление уже совершено. Профайлер работает с уликами, местом преступления и показаниями, чтобы воссоздать портрет неизвестного субъекта (UNSUB). Задача – сузить круг подозреваемых.

Это направление критически важно для полиции, но для обычного человека оно малоприменимо. Знание того, как выглядит профиль серийного убийцы, вряд ли поможет вам в конфликте с токсичным начальником или при разводе с агрессивным супругом.

Авиационный профайлинг и антитеррор

Это направление, с которым сталкивался каждый, кто летал самолетом. Его цель – выявить потенциально опасных пассажиров до того, как они окажутся на борту. Эталоном здесь считается система безопасности израильской авиакомпании El Al.

Сотрудники службы безопасности обучены не столько искать оружие (хотя это тоже важно), сколько наблюдать за поведением. Человек, который купил билет в один конец за наличные в последний момент, летит без багажа, потеет и избегает зрительного контакта, вызывает вопросы. Профайлинг в аэропорту это поиск аномалий в потоке нормального поведения.

Бизнес-профайлинг и HR

Пожалуй, самое быстрорастущее направление. Компании поняли: нанять токсичного сотрудника или мошенника стоит дороже, чем потратить время на его проверку. Бизнес-профайлинг решает задачи:

- Кадровый скрининг: Оценка благонадежности, выявление склонности к корпоративному мошенничеству или конфликтам.
- Переговоры: Оценка истинных намерений партнера, вы-

явление блефа и лжи.

– Аудит безопасности: Выявление инсайдеров, которые могут нанести вред компании.

Здесь используются не только интервью, но и анализ цифрового следа, лингвистический анализ переписки и оценка невербального поведения.

Профайлинг в образовании

После трагических событий в школах (Колумбайн, Керчь, Казань) возник запрос на выявление угроз в образовательной среде. Профайлинг здесь направлен на раннее обнаружение учеников, находящихся в кризисном состоянии, проявляющих интерес к насилию («скулшутинг») или ставших жертвами буллинга, который может привести к взрыву агрессии.

Персональная безопасность: профайлинг для каждого

Именно этому посвящена наша книга. Персональный профайлинг угроз – это набор навыков, позволяющих обычно человеку оценить, представляет ли конкретный субъект опасность для него или его близких.

Это ответ на вопросы:

– Стоит ли садиться в лифт с этим незнакомцем?

– Опасен ли бывший муж, который пишет странные сообщения?

– Что делать, если сосед ведет себя агрессивно?

В отличие от криминального профайлинга, здесь мы работаем в реальном времени. Ставки высоки, времени на анализ мало. Нам нужно принять решение «здесь и сейчас».

Психотипология в профайлинге: от теории к практике

Один из главных вопросов профайлинга: существуют ли устойчивые типы личности, и можно ли их быстро распознать? На этот вопрос пытались ответить десятки систем – от древней физиогномики до современной нейронауки. Рассмотрим ключевые подходы, которые активно используются в российском и мировом профайлинге.

Методика «7 радикалов» Виктора Пономаренко

Одна из самых популярных в российском профайлинге – методика «7 радикалов», разработанная психиатром Виктором Пономаренко. Она основана на идее, что любая личность – это комбинация семи базовых психотипов (радикалов), каждый из которых имеет физические, поведенческие и речевые маркеры.

Семь радикалов:

1. Истероидный (демонстративный): Яркая внешность, стремление к вниманию, эмоциональность, театральность. Речь выразительная, жестикуляция активная. Риски: манипуляция через драму, ложь для привлечения внимания, месть при игнорировании.

2. Эпилептоидный (эксплозивный): Мускулистое телосложение, напряженная осанка, тяга к порядку и контролю, вспыльчивость. Речь требовательная, категоричная. Риски: взрывная агрессия, садизм, жестокость при потере контроля.

3. Параноидальный: Целеустремленность, подозрительность, жесткость взглядов, мессианство. Речь идеологическая, полная «должен» и «обязан». Риски: фанатизм, идеологически мотивированное насилие, месть «врагам идеи».

4. Эмотивный (сензитивный): Хрупкое телосложение, тревожность, чувствительность, эмпатия. Тихая речь, извиняющиеся интонации. Риски: низкие для окружающих, но высокая уязвимость к манипуляции, суицидальность при длительном стрессе.

5. Шизоидный: Угловатая внешность, эксцентричность, погруженность в себя, оригинальность мышления. Речь «не от мира сего», абстрактная. Риски: социальная отстраненность, при психозе – бредовые идеи и возможная опасность.

6. Гипертимный: Энергичность, оптимизм, общительность, авантюризм. Быстрая, громкая речь. Риски: импульсивность, недооценка последствий, агрессия «в запале».

7. Тревожный (астенический): Истощенная внешность, хроническая усталость, пессимизм, жалобы. Монотонная, слабая речь. Риски: депрессивный суицид, пассивная агрессия, саботаж.

Как используется в профайлинге:

Профайлер наблюдает за внешностью, мимикой, жестами, речью и определяет ведущий радикал (или комбинацию). Это дает гипотезу о том, как человек реагирует на стресс, какие триггеры его «взрывают», какие стратегии манипуляции использует. Например, эпилептоид опасен при потере контроля, истероид – при игнорировании, параноид – при угрозе его «миссии».

Критика:

Методика 7 радикалов критикуется за недостаточную научную валидацию, упрощение сложной психологии человека, риск стереотипизации. Однако на практике она работает как быстрый эвристический инструмент – не абсолютная истина, но полезная стартовая гипотеза.

Перекося в оценку по внешности: физиогномика и её ловушки

История профайлинга полна соблазна судить о человеке по лицу. Физиогномика – древнее искусство «чтения лица» – обещала определить характер по форме носа, размеру лба, расстоянию между глазами.

В XX веке эта идея была дискредитирована. Форма лица НЕ предсказывает преступность, агрессивность или честность. Печально известные попытки связать внешность с криминальностью (Ломброзо, нацистская «расовая наука») оказались псевдонаукой и инструментом дискриминации.

Современная позиция:

– Статическая внешность (кость, форма черепа) НЕ информативна для оценки личности или опасности.

– Динамическая мимика (как человек двигает лицом) **ОЧЕНЬ** информативна. Это не форма носа, а то, как сокращаются мышцы при эмоциях.

Ловушка первого впечатления: Мы склонны доверять привлекательным людям и подозревать «странно выглядящих». Но харизматичные психопаты часто красивы и обаятельны. А невзрачный тихоня может быть самым надежным другом. Профайлинг требует смотреть сквозь внешность на поведение.

Базовые эмоции Пола Экмана: универсальный язык лица

Прорыв в научном анализе мимики совершил американский психолог Пол Экман в 1970-х годах. Он доказал, что существует семь базовых (универсальных) эмоций, которые выражаются одинаково у всех людей – независимо от культуры, языка, воспитания.

Семь базовых эмоций Экмана:

1. Радость: Приподнятые уголки губ, «гусиные лапки» у глаз (морщинки), щеки приподняты. Настоящая улыбка задействует глаза – «улыбка Дюшена».

2. Печаль: Опущенные уголки губ, «домиком» брови (внутренние концы приподняты), потухший взгляд.

3. Гнев: Сжатые губы, опущенные и сведенные брови, напряженные веки, прямой пронзительный взгляд.

4. Отвращение: Приподнята верхняя губа, сморщен нос, нижние веки приподняты.

5. Страх: Приподняты и сведены брови, широко открыты глаза, рот открыт или губы напряжены.

6. Удивление: Приподняты брови, широко открыты глаза, приоткрыт рот. Отличие от страха – брови не сведены.

7. Презрение: Односторонняя усмешка (один уголок рта приподнят). Единственная асимметричная эмоция.

Микровыражения (micro-expressions):

Экман открыл, что эмоции появляются на лице за $1/25$ – $1/5$ секунды – быстрее, чем сознательный контроль. Эти микровыражения проскальзывают даже у опытных лжецов. Обученный наблюдатель может их заметить.

Применение в профайлинге:

– Выявление скрытых эмоций: Человек улыбается (радость), но на долю секунды промелькнуло презрение – он вас презирает, но скрывает.

– Детекция лжи: Несоответствие слов и микровыражений.

Говорит «я не боюсь», но микровыражение страха выдало его.

– Оценка опасности: Проскочил гнев или презрение при обсуждении конфликтной темы – риск насилия вырос.

Ограничения:

Экман предупреждал: микровыражения говорят о наличии эмоции, но не о причине. Человек может злиться не на вас, а на собственные мысли. Контекст обязателен.

Международные и российские стандарты профайлинга

Профайлинг как профессия находится на разных стадиях формализации в разных странах. Рассмотрим ключевые стандарты и организации.

США: профессиональные стандарты и сертификация

– FBI Behavioral Analysis Unit (BAU): Подразделение ФБР, специализирующееся на профайлинге серийных преступников. Их методология – негласный стандарт для криминального профайлинга в мире.

– Association of Threat Assessment Professionals (ATAAP): Международная ассоциация специалистов по оценке угроз. Проводит сертификацию (Certified Threat Manager – СТМ), устанавливает этические стандарты, организует конференции. Фокус: профайлинг угроз, сталкинг, насилие на рабо-

чем месте.

– ASIS International: Крупнейшая организация профессионалов безопасности. Хотя профайлинг – лишь одно из направлений, ASIS разрабатывает стандарты оценки рисков, в том числе поведенческих.

– Transportation Security Administration (TSA) – программа SPOT: «Screening of Passengers by Observation Techniques». Система поведенческого анализа в аэропортах США. Офицеры обучены выявлять подозрительное поведение через наблюдение, а не только технические средства.

Европа: стандартизация через ISO и национальные ассоциации

– ISO 31000 (Risk Management): Международный стандарт управления рисками, включающий оценку человеческого фактора. Профайлинг рассматривается как инструмент идентификации и анализа поведенческих рисков.

– European Aviation Security: Европейские авиационные власти (EASA) внедряют системы поведенческого анализа пассажиров по модели Израиля, но адаптированные к европейским стандартам прав человека.

– UK – National Policing: В Великобритании полиция использует методы поведенческого анализа для оценки угроз, особенно в контексте терроризма и домашнего насилия. Стандарт: College of Policing guidelines.

Израиль: золотой стандарт авиационного профайлинга

Израильская система безопасности EI AI считается эталоном. Каждый пассажир проходит короткое интервью с обученным офицером безопасности. Офицер задает вопросы и наблюдает за:

- Несоответствием ответов и невербального поведения
- Признаками стресса, не объяснимыми нормальным страхом полета
- Нелогичными деталями в истории (цель поездки, маршрут, багаж)

Эта система основана на человеческом факторе, а не только на технологиях. Результат: ни одного успешного теракта на борту EI AI с 1968 года.

Россия: формирующиеся стандарты

В России профессиональные стандарты профайлинга находятся на стадии становления.

– Профессиональный стандарт «Специалист по профайлингу»: В 2020-х годах началась работа над профстандартом для коммерческого профайлинга (HR, безопасность, банки). Стандарт должен определить требования к образованию, компетенциям, этике специалистов.

– Ведомственные методики: МВД, ФСБ, Росгвардия имеют закрытые методики оперативной психологии и профайлинга. Эти наработки не публикуются, но используются в подготовке сотрудников.

– Аэропорты: В российских аэропортах внедряются элементы поведенческого анализа (обучение персонала распознаванию подозрительного поведения), но пока без единого стандарта.

– Частные ассоциации: Появляются профессиональные объединения (Ассоциация профайлеров России, Институт профайлинга), но их стандарты пока не имеют юридической силы.

Проблема отсутствия глобальных стандартов

Главный вызов профайлинга сегодня – отсутствие единого глобального стандарта. Это приводит к:

– Разнобою в методах: Одни профайлеры опираются на научные данные (Big Five, Экман), другие – на псевдонауку (соционика, астрология).

– Этическим проблемам: Расовое, гендерное, этническое профилирование в аэропортах и полиции ведет к дискриминации. Нужны четкие этические границы.

– Шарлатанству: Рынок наводнен «экспресс-курсами» от людей без профессионального образования.

Путь вперед:

Профайлинг должен стать регулируемой профессией с четкими стандартами обучения, сертификации, этики. Примеры: медицина, право, психология. Только так профайлинг

станет надежным инструментом безопасности, а не набором эффектных трюков.

Глава 3. Профайлинг угроз: особое направление

Среди всех видов поведенческого анализа профайлинг угроз (Threat Assessment) стоит особняком. Его специфика в том, что он направлен в будущее. Если криминальный профайлер спрашивает «Кто это сделал?», то профайлер угроз спрашивает «Сделает ли он это?».

Это не просто смена вопроса. Это фундаментальное изменение философии, методологии и цели профайлинга. Чтобы понять глубину этого различия, сравним два подхода: классический криминальный профайлинг и профайлинг угроз.

Таблица сравнения: криминальный профайлинг vs. профайлинг

Критерий

Ключевое различие: ДО или ПОСЛЕ

Представьте две ситуации:

Ситуация 1 (криминальный профайлинг)

В городе М
МОЛОДЫХ
в лесопарк
Полиция вы
преступлен
«Убийца —

портрет помогает полиции сузить круг подозреваемых. Но пять женщин уже мертвы. Профайлинг здесь – инструмент расследования, а не профилактики.

Ситуация

2

(профайлинг)

В компании
месяц но
директору
Справедли
офиса д
профайли
насилие р

дите разницу? Криминальный профайлинг – это аутопсия преступления. Вы анализируете труп события, чтобы найти убийцу. Профайлинг угроз – это диагностика болезни до её проявления. Вы видите симптомы и останавливаете патологию до кризиса.

Философия превентивности: от реакции к предотвращению

Классический профайлинг работает по модели «реакция на преступление». Общество терпит насилие, расследует его, наказывает виновного. Круг замыкается, но жертвы остаются жертвами.

Профайлинг угроз предлагает иную парадигму: «предотвращение до насилия». Он исходит из идеи, что насилие – это не внезапный взрыв из пустоты. Это процесс, у которого есть этапы:

- 1.Идея: «Я хочу отомстить»
2. Планирование: «Как я это сделаю? Где достать оружие?»
3. Подготовка: Изучение маршрутов, пробные визиты, покупка средств
4. Предсигналы: Утечка информации (угрозы, намеки, странное поведение)
5. Насилие: Акт совершён

Классический профайлинг вступает на шаге 5 – когда всё

уже случилось. Профайлинг угрозы работает на шагах 1–4 – когда ещё можно остановить. Исследования показывают, что 80–90% случаев целенаправленного насилия имели наблюдаемые предсигналы за дни, недели или месяцы до атаки. Проблема не в отсутствии сигналов. Проблема в том, что мы их игнорируем или не умеем распознать.

Превентивный профайлинг в действии: реальные кейсы

Кейс 1: Предотвращение школьного шутинга (США, 2018)

одной из школ Калифорнии учителя заметили изменения в поведении 16-летнего ученика: он стал изолироваться, рисовал в

блокноте сцены насилия, в соцсетях появились посты с идентификацией себя с Колумбайновскими стрелками. Школьный психолог применил протокол оценки угроз (основанный на исследованиях Секретной службы США). Оценка показала высокий риск. Семья была уведомлена, подросток направлен на психиатрическую помощь, из дома изъято охотничье ружье отца. Трагедия предотвращена. Никто не пострадал. Но если бы сигналы проигнорировали, СМИ сообщали бы о «неожиданной бойне».

Кейс 2: Стрелок на рабочем месте (Германия, 2015)

Сотрудник немецкой логистической компании был уволен за нарушение дисциплины. В последующие недели он оставлял голосовые сообщения с угрозами на автоответчике бывшего начальника, несколько раз приезжал к офису, наблюдал за парковкой. Служба безопасности оценила угрозу как серьёзную (по методу JACA, который мы разберём позже). Полиция получила запретительный ордер, охрана была усилена, директор временно изменил маршруты. Через месяц бывший сотрудник был задержан при попытке проникнуть на территорию с ножом. Благодаря превентивным мерам никто не погиб.

Кейс 3: Домашнее насилие (Россия, Екатеринбург, 2019)

Женщина обратилась в кризисный центр: её бывший муж после развода начал преследовать её – звонил по ночам, появлялся около дома, однажды проколол шины машины. Он говорил: «Если не вернёшься, ты пожалеешь». Специалист по профайлингу угроз оценил ситуацию: история ревности, потеря контроля, эскалация от слов к действиям (порча имущества), угрозы насилия. Оценка: высокий риск физической атаки. Рекомендация: немедленно переехать к родственникам, запретительный ордер, информировать полицию, установить камеры. Женщина выполнила рекомендации. Через неделю бывший муж пытался проникнуть в её старую квартиру с битой. Соседи вызвали полицию, его задержали. Женщина жива, потому что кто-то вовремя распознал угрозу и

действовал превентивно.

Почему превентивный подход критичен: цена реакции слишком высока

Криминальный профайлинг – замечательный инструмент для расследования. Он помог поймать сотни серийных убийц. Но он не спас ни одну жертву этих убийц. Они уже мертвы к моменту, когда профайлер садится за анализ.

Профайлинг угроз спасает жизни до их потери. Это не преувеличение. Исследования показывают:

– Школьные шутинги: В 93% случаев другие ученики знали о планах нападавшего заранее. Если бы эти сигналы были правильно интерпретированы и переданы взрослым, большинство трагедий можно было предотвратить.

– Насилие на рабочем месте: 75% сотрудников, совершивших нападение, заранее проявляли признаки (угрозы, странное поведение, фиксация на «виновных»).

– Убийства в отношениях: В 80% случаев домашнего убийства жертва и окружающие знали об угрозах, но не предприняли действий (из страха, недооценки, надежды на изменение).

Цена игнорирования сигналов измеряется в жизнях. Профайлинг угроз даёт нам шанс не платить эту цену.

Отличие от диагностики личности

Важно понимать фундаментальный принцип, разработанный экспертами Секретной службы США: профайлинг угроз – это оценка поведения, а не личности. Мы не ставим психиатрические диагнозы. Нам не важно, является ли человек нарциссом, психопатом или шизофреником в клиническом смысле. Нам важно одно: движется ли он по пути к насилию?

Многие люди с психическими расстройствами совершенно не опасны. И наоборот, многие хладнокровные убийцы с медицинской точки зрения абсолютно здоровы. Поэтому мы фокусируемся на фактах, динамике и контексте.

Пример

различи-

Диагностика

«Этот человек
с антисоциал

Статичная оце

файлинг угроз спрашивает не «Какой у него диагноз?», а «Что он делает? Куда движется? Есть ли признаки планирования насилия?». Это прагматичный, ориентированный на действие подход.

Концепция «Охотники и Воющие»

В профайлинге угроз существует ключевое различие между двумя типами субъектов, которое впервые описали Кэлхун и Вестон. Понимание этой разницы может спасти вам жизнь.

Воющие (Howlers) – это люди, которые создают много шума. Они кричат, открыто угрожают, пишут пугающие письма, стучат кулаком по столу. Их цель – напугать, эмоционально дестабилизировать жертву, привлечь к себе внимание. Парадокс в том, что воющие редко переходят к физическому насилию. Угроза для них – это способ выпустить пар или манипулировать, а не план действий.

Охотники (Hunters) – это те, кто реально планирует нападение. Они действуют скрытно. Охотник не будет кричать «Я тебя убью!» на весь офис. Он будет молча изучать ваш маршрут, покупать оружие, проверять системы безопасности. Охотник нацелен на результат, а не на эффект. Как правило, чем ближе охотник к реализации плана, тем тише он становится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.